

DOI: 10.17976/jpps/2017.04.08

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕЦЕССИЙ НА ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: КВАНТИФИКАЦИЯ ФАКТОРОВ ВЛИЯНИЯ

А.А. Токарев

ТОКАРЕВ Алексей Александрович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра глобальных проблем Института международных исследований МГИМО МИД России. Для связи с автором: a.tokarev@inno.mgimo.ru

Токарев А.А. Сравнительный анализ сецессий на посткоммунистическом пространстве: квантификация факторов влияния. — Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 106-117. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.08>

Статья поступила в редакцию: 26.03.2016. Принята к печати: 17.04.2017

Аннотация. Распады Югославии и Советского Союза породили стремление отдельных входивших в них национально-территориальных сообществ выйти из состава бывших “материнских” государств (формировавших Федерацию Югославии или Союз ССР), обрести не просто автономию, но суверенные права полноценного государственного образования. Эти новые политические субъекты – инициаторы большинства сецессий – и в одном, и в другом случаях ориентировались на внешнего патрона (заинтересованного в их судьбе ресурсно оснащенного государства или сообщества государств) и в конечном счете на обретение устойчивого статуса в его составе. Избранная ими стратегия обрекала их на вооруженный конфликт с “материнским” государством, создавала явные проблемы с внутренним суверенитетом, побуждала не только к государственно-административному, но и к языковому, этническому и культурному самоопределению. Все эти обстоятельства (рассматриваемые в дальнейшем в качестве факторов влияния) были общими для посткоммунистических сецессий, хотя каждая из них имела и отдельные страновые особенности. Автор особо останавливается на анализе проектов ДНР и ЛНР, ориентированных на выход из состава унитарной Украины, в сопоставлении с иными сецессиями рассматриваемого типа, считая процессы 2014–2016 гг. в российско-украинских отношениях отложенными последствиями распада Советского Союза. Цель исследования – прогноз успешности сецессий на Донбассе посредством квантификации степени влияния тех или иных факторов. Восемь посткоммунистических сецессий сравниваются по десяти основаниям, каждому из которых как значимому фактору, в меру его влияния на успех сецессии, присваивается числовое значение на шкале от -3 до +3. Вероятность успешности сецессии вычисляется путем суммирования всех значений. Итоговый вывод автора: при снижении влияния государства-патрона на руководство и процессы госстроительства ДНР и ЛНР, при редукции значимости фактора общей границы с ним эти сецессионистские казусы будут неуспешными. К максимальному значению неуспеха сецессии проекты ДНР и ЛНР располагаются ближе, чем остальные. Вместе с тем стремление “материнского” государства к реинтеграции территорий, но не проживающих на них граждан, повлечет исход большого числа беженцев из региона и многолетний ценностный конфликт между жителями Донбасса и “материковой” Украины, что, в свою очередь, станет постоянным фактором дестабилизации государственной целостности Украины.

Ключевые слова: Украина; Донбасс; ДНР; ЛНР; сецессия; Косово; Южная Осетия; Гагаузия; Абхазия; ПМР; РСК; НКР; Чечня (Ичкерия); распад СССР; распад СФРЮ.

Проекты ДНР и ЛНР, направленные на выход из состава унитарной Украины, рассматриваются в сопоставлении с сецессиями по итогам распада СФРЮ и СССР, считая процессы 2014–2016 гг. в российско-украинских

отношениях отложенными последствиями распада Советского Союза. Цель исследования — прогноз успешности сецессий на Донбассе посредством квантификации степени влияния тех или иных факторов. В качестве основания для сопоставления были проанализированы восемь случаев сецессий. Из них шесть — на постсоветском пространстве: “Чеченская республика Ичкерия” (ЧРИ, существовавшая как самопровозглашенное государственное образование в 1991-2000 гг.), республика Гагаузия (РГ, 1990-1995 гг.), существующие по настоящее время Нагорно-Карабахская республика (НКР, с 1991 г.), Приднестровская молдавская республика (ПМР, с 1990 г.), республика Южная Осетия (РЮО, с 1990 г.) и республика Абхазия (РА, 1921-1931 гг. и с 1990 г.). И еще два балканских казуса: республика Косово (с 1991 г. — по настоящее время) и республика Сербская Крайна (РСК, 1991-1995 гг.). Это те сецессии, которые были прямо или опосредованно обусловлены распадом СФРЮ и СССР и проходили в их институциональном и ценностном (прежде всего проявлявшемся в поведении посткоммунистических элит) контекстах. Вне зависимости от степени признания государствами-членами ООН, а также уровня успешности функционирования квазигосударственных проектов (включая успешность их борьбы с внутренним сепаратизмом), нас интересовали те политики, которые в определенный момент времени имели или имеют реальную независимость от “материнского” государства и *de facto* управляли своими территориями, как сейчас это происходит в ДНР и ЛНР.

Руководствуясь логикой Фрэнсиса Фукуямы, в качестве сецессионистских проанализированы те проекты государственного строительства, в отношении которых “материнское” государство не обладает “безусловной возможностью направлять некоего вооруженного субъекта в форме заставлять людей соблюдать законы государства” [Fukuyama 2004: 17]. Угроза сецессий или повышение степени автономности по отношению к центру, все же сохраняющему внутренний суверенитет, не являлись признаками, относящими “сложные” территории к объектам данного исследования. Поэтому мы не рассматриваем, например, украинский Крым периода 1991-2014 гг., российский Дагестан в 1999 г., грузинские Аджарию, Самцхе-Джавахетию и Квемо-Картли в первой половине 2000-х годов и прочие самопровозглашенные, непризнанные, частично признанные псевдогосударственные проекты [Попов 2011] (в академической литературе называемые государства *de facto* [Blakkisrud, Kolstø 2012: 282]).

Для анализа этих восьми политий мы предложили набор из десяти переменных, позволяющих формализовать по десяти параметрам описание процесса становления, развития и завершения их проектов сецессии: 1) наличие перед началом сецессии автономного статуса по отношению к другим регионам внутри государства; 2) стремление сохранить свой статус в составе прежнего федеративного (союзного) государства; 3) независимость от государства-патрона при решении о начале сецессии; 4) наличие общей границы с государством-патроном; 5) военная агрессия “материнского” государства; 6) уровень эффективности внутреннего суверенитета; 7) введение миротворцев в регион конфликта; 8) наличие собственного языка, отличного от государственного языка “материнского” государства; 9) наличие доминирующего этноса, отличного от доминирующего этноса “материнского” государства; 10) признание членами ООН. Под государством-патроном мы понимаем ту суверенную политику, имеющую статус члена ООН, которая посредством финансовой, кадровой, военной, технической и иной поддержки прототирует сецессию. Материнским государством мы называем то, из состава которого пытается выйти субъект сецессии.

Для операционализации сопоставления мы квантифицировали уровень влияния каждого фактора для каждого из рассматриваемых казусов по шкале, положительные значения которой соответствуют усилению влияния в пользу успеха сецессии, а отрицательные – в сторону реинтеграции в материнское государство. Под успехом сецессии мы понимаем достижение частичного признания членами ООН нового государства, полностью контролирующего заявленную территорию, обладающего высоким уровнем внутреннего суверенитета или же частичного признания ими самого факта состоявшейся сецессии.

С учетом незначительного числа казусов, привлекаемых для сопоставления, мы использовали минимальные интервальные значения (очевидно, что сравнение большего числа казусов потребовало бы большей дифференциации). Из десяти квантифицируемых параметров для трех интервал оценки был расширен до -3 / +3 баллов. В рамках этого наибольшего интервала мы оценивали те факторы, в действии которых была возможна наибольшая дифференциация: независимость от “патрона”, наличие общей границы с ним, уровень эффективности внутреннего суверенитета. Напротив, в тех четырех случаях, где возможен был лишь ответ да / нет (речь идет о наличии или отсутствии формальных признаков, легко поддающихся верификации: о статусе автономии, собственном языке, доминирующем этносе или наличии военной агрессии), присваивались значения -1 / +1. В остальных трех случаях был избран интервал оценки -2 / +2. Суммарная итоговая вероятность успеха / провала сецессии могла принимать значения в диапазоне +19 / -19.

Гипотеза исследования состояла в том, что успех сецессий ДНР и ЛНР, несмотря на наличие в этих квазигосударствах слоя пассионарных элит, нацеленных на получение выгод от сецессии, во многом обусловлен участием государства-патрона: редукция значения факторов его мощи, а также общности границы с ним, угрожает сецессии провалом.

Предваряя процесс квантификации, рассмотрим влияние каждого из факторов сецессии в сравнительной перспективе.

1) **Статус автономии.** Важнейшей исторической ценностью для успешного завершения гонки за суверенитет для большинства новых государств в XX в. был статус автономии, наделявший их большими правами по отношению к центру по сравнению с окружающими регионами. Американский политолог Филипп Рёдер предложил понятие “государство-сегмент”, на базе которого институционализируется новое государство. По подсчетам Рёдера, из 177 новых государств, появившихся с 1901 по 2000 гг., 153 (86 %) являлись государствами-сегментами до получения независимости [Roeder 2007: 22]. Из восьми рассматриваемых нами политий автономного статуса не было только у трех краин в Сербии: Книнской, Славонской и Подунайской, впоследствии образовавших РСК, а также у Гагаузии и ПМР. Автономии провозглашались ими в процессе осуществления сецессий и не были подтверждены центральным правительством. ЧРИ и РК отнесены нами к имеющим автономии до начала суверенизации с оговоркой: они вместе с другими территориями составляли общие автономные административные единицы, Чечено-Ингушскую АССР и край Косово и Метохия.

2) **Стремление сохранить свой статус в составе прежнего федеративного (союзного) государства.** Одинаковое отношение к суверенным центрам объединяет пять казусов. И элиты, и население всех восьми субъектов рецессии крайне негативно относились к властям государств, в состав которых они входили. При этом лишь ЧРИ и РК имели исключительно суверенные притязания, направленные

непосредственно на достижение независимости и построение самостоятельного государства без присоединения к какому-либо другому. НКР стремилась обрести суверенитет, чтобы делегировать его Еревану, присоединившись к Армении. Остальные пять, РГ, ПМР, РА, РСК, РЮО, испытывали самые теплые чувства по отношению к бывшим столицам союзных (федеративных) государств. Для всех пяти стремление сохранить свой статус в рамках административных единиц более высокого уровня было едва ли не спусковым крючком сецессий. Желание ПМР, РГ, РА, РЮО остаться в составе распадающегося СССР (вопреки центробежным процессам в Молдавии и Грузии, соответственно), а РСК — в составе Югославии (несмотря на суверенные стремления Хорватии) определяли дальнейшие расхождения в развитии государственных и национальных проектов двух уровней, новых автономий и бывших союзных республик.

3) Независимость от “патрона” при принятии решения о начале сецессии. Вероятность успеха сецессии тем выше, чем мощнее государство-патрон или их коалиция. У большинства сецессионистских проектов были / есть покровители: Россия — у ПМР, РГ, РЮО и РА, Армения — у НКР, Албания и США — у РК, Сербия — у РСК. Из всех рассматриваемых случаев только у ЧРИ не было конкретного государства-патрона, однако ее сепаратизм активно поддерживался негосударственными акторами — международными террористическими организациями [Кива, Фёдоров 2003: 135]. Чем выше уровень внутренней, независимой от помощи патрона ориентации на сецессию, тем выше вероятность ее успеха. Данный фактор зачастую упускается из виду наблюдателями при анализе постсоветских конфликтов, поскольку набор факторов сводится к пресловутой “руке Москвы”. Напротив, мы считаем независимость от патрона при начале сецессии одним из важнейших факторов ее успеха, поскольку именно внутренние драйверы сецессии нередко способны обеспечить сохранение проекта сецессии, например, в условиях блокады (приднестровский казус) или даже ухудшения отношений с патроном (абхазский казус в середине 1990-х годов).

4) Общая граница с патроном. Мощь государства-патрона и наличие общей границы еще сильнее влияют на успехи суверенизации [Kamilova, Berg 2011: 153]. Государство-патрон может делать проницаемой границу государства [Rotberg 2002: 90], в которое формально входит желающая отделиться территория, переправляя через нее технику, вооружения, людей, товары. Так действовали Армения в Нагорном Карабахе, Югославия в Сербской Краине, Россия в Южной Осетии, Абхазии и на Донбассе. Низкий уровень консолидации границ критичен для выживания “материнского” государства, даже если против него не играет конкретное государство-патрон [Rotberg 2003]. Слабо контролируемый чеченский участок российско-грузинской границы в 1990-е годы активно использовался террористами для ухода из России на территорию грузинского Панкисского ущелья, бывшего местом отдыха и пополнения запасов [Malek 2006: 445].

5) Военная агрессия “материнского” государства. Этот фактор является общим почти для всех сецессий. Политики сталкивались с военной агрессией “материнского” государства, связанной с неприятием титульной нацией проживающего на ограниченной территории этноса, независимо от этнонациональной или национально-государственной модели, выбираемой для госстроительства на конкретной территории. К примеру, политика Звиада Гамсахурдия под лозунгом “Грузия для грузин” сменилась политикой следующего президента Эдуарда Шеварднадзе, проводившего линию партии “Союз граждан Грузии”. Третий президент Грузии Михаил Саакашвили некоторое

время стремился к мирной реинтеграции РА и РЮО. Однако, несмотря на эти внутренние изменения политической повестки, культурные, исторические и лингвистические различия между грузинами, абхазами и осетинами так и не были устранены. В 1989 г. Звиад Гамсахурдиа возглавил марш на Цхинвали; в 2008 г. на фоне постоянных провокаций со стороны РЮО Михаил Саакашвили отдал приказ обстрелять спящий Цхинвал. В 1990 г. молдавский премьер Мирча Друк организовал поход вооруженных людей на Гагаузию; в 1992 г. молдавский президент Мирча Снегур инициировал боевые действия в Приднестровье. Тогда же в Абхазию вошли подразделения грузинской нацгвардии. В 1991 г. в РСК воевали друг с другом части МВД Хорватии и сербского ополчения; в 1998 г. в процесс по сохранению Косова под контролем Белграда включилась югославская армия. Во всех случаях вооруженное вмешательство (или попытки его организации) было реакцией власти на объявление автономии или провозглашение суверенитета. В конфликте вокруг Карабаха участвовали два постсоветских государства, между армиями которых велись боевые действия. А в Чечне конфликт из холодного стал горячим, когда дудаевцы разогнали ВС ЧИ АССР и убили мэра Грозного Юрия Куценко. В данном случае федеральный центр реагировал на действия боевиков. Стоит особо подчеркнуть, что в ряде случаев сложно сказать, кто является жертвой, а кто — агрессором. К примеру, и в абхазском, и в грузинском постсоветском национальном строительстве есть свои мифы о войне 1992-1993 гг. (в РА ее называют Отечественной). Абхазы вспоминают трагедию со сбитым у села Латы вертолетом, грузины — зверства “басаевских янычар” [подробнее см. Токарев 2013]. В нескольких случаях военные действия “материнского” государства не просто не препятствовали сецессии, а напротив, работали на сплочение новой политической нации внутри сецессионистского проекта на основе общей для всех ценности противодействия внешнему врагу (так было в ПМР, РА и РЮО). Грань, разделяющую готовность государства защищать свою территориальную целостность и шовинистские действия того же государства по подчинению этноса, встраиваемого в национальный проект большинства, общую для любых случаев, определить невозможно.

110

6) **Эффективность реализации внутреннего суверенитета.** Внутренний суверенитет, т.е. подконтрольность власти легитимному, с точки зрения населения политии (и, естественно, нелегальному, по мнению “материнского” государства), центру и контроль за заявленными границами, реализовывался в проанализированных случаях по-разному. В наименьшей степени им обладала ЧРИ, власти которой балансировали между светским правлением и шариатом, полевые командиры оспаривали власть президентов Яндарбиева и Масхадова вооруженным путем, территория ЧРИ была местом черной и серой экономики, а также нарко- и работорговли.

7) **Введение миротворцев в зону конфликтов.** Влияние данного фактора не одинаково на ту или иную сецессию. В одних случаях миротворцы приближали успех суверенизации (ПМР, РЮО и Косово), в других, напротив, бездействовали, пока армия “материнского” государства возвращала территорию под свой контроль (РСК).

8) **Наличие собственного языка** и 9) **наличие доминирующего этноса.** Под критерием наличия собственного языка мы понимаем не монопольное его использование в изучаемых регионах (в РЮО говорят на грузинском, в ЧРИ использовали в том числе и русский, в Гальском районе РА живут абхазские грузины и т.д.),

а обладание им титульным этносом. Соответственно, наличие собственного языка у такого этноса полностью определяет лингвистический критерий. ЧРИ, НКР, РЮО, РА, РГ, РК и РСК институционализированы, соответственно, во-круг чеченцев, армян, осетин, абхазов, гагаузов, косоваров и сербов с их особыми языками в отличие от ЛНР, ДНР и ПМР. ЛНР и ДНР ориентированы преимущественно пророссийски и в языковом, и в этническом плане. ПМР – особый случай: уникальный опыт республики состоит в мирном сосуществовании русских, молдаван и украинцев с тремя языками и даже при стремлении сформировать надэтническую идентичность “приднестровец”.

10) Признание протогосударств, возникших в ходе сецессии, членами ООН. Все восемь рассматриваемых сецессий завершились. Три из них – реинтеграцией в состав “материнского” государства (ЧРИ, РГ, РСК). Две политики были реинтегрированы военным путем. В рамках второй чеченской войны сепаратисты были подавлены федеральными силами при помощи местного ополчения во главе с семьями Кадыровых и Ямадаевых, перешедших на сторону официальной Москвы. ЧРИ как институция перестала существовать (внутри сепаратистов произошел раскол на светское и радикально-исламское крыло). Однако у российской Чеченской республики по-прежнему сохраняется крайне высокая финансовая и правовая автономия от центра.

РСК также была возвращена силовым путем под контроль Хорватии. В течение трех дней в 1995 г. Хорватия при поддержке ВВС и бездействии миротворцев ООН провела в одной из частей РСК, Западной Славонии, полицейскую операцию “Молния”, что вкупе с реинтеграцией привело к потерям среди мирного населения и исходу сербских беженцев. К аналогичным результатам спустя три месяца привела операция “Буря”. Еще две части РСК, Книнская Краина и Восточная Славония, при нескольких сотнях тысяч сербов, покинувших территорию, вернулись в состав Хорватии. Остатки РСК были мирно реинтегрированы в состав Хорватии в течение трех лет при посредничестве ООН.

Гагаузия оказалась единственной политией из всех, начавших сецессию, реинтегрированной мирно. В 1994–1995 гг. автономный статус Гагаузии был закреплен Молдовой законодательно. Комрат с тех пор не приближался к той степени независимости, которой обладает Тирасполь. Основой спокойного существования Гагаузии является отсутствие резких движений Кишинёва в сторону Бухареста. В случае гипотетической потери Молдовой субъектности (весомая часть политического класса страны считает необходимым объединение с Румынией) гагаузские элиты настаивают на собственном праве решать судьбу автономии.

Все три случая реинтеграции стали возможны, прежде всего, из-за невмешательства (или отсутствия) государств-патронов. Параллельно российской КТО по другую сторону Большого кавказского хребта в 2003 г. стартовала антикриминальная операция. Грузия усилила контроль над Панкиси, что резко снизило возможности чеченских боевиков к отступлению [Gachechiladze 2002: 125]. При проведении операций “Молния” и “Буря” на территории РСК в 1995 г. Югославия лишь принимала беженцев, несмотря на массовые жертвы среди сербского населения. В случае с реинтеграцией Гагаузии Россия и Турция (гагаузы – тюркский, хотя и православный народ) не вмешивались в процесс возвращения официальным Кишинёвом контроля над политией на условиях автономии. Требования гагаузов о повышении статуса их территории внутри единого молдавского государства были удовлетворены.

Пять оставшихся политий пошли по пути суверенизации с разной степенью успеха как с точки зрения поддержания внутреннего суверенитета, так

и уровня признания международными акторами. Наибольшего числа признавших добилась РК: 109 членов ООН на момент написания статьи. Это не означает, что Косово стало равноправным участником объединенных наций. Для этого необходимо отсутствие вето со стороны постоянных членов Совбеза (РФ и КНР против) и согласие 129 участников Генассамблеи.

РА и РЮО “твердо” признаны четырьмя членами ООН: Россией, Венесуэлой, Никарагуа и Науру. Косово, Абхазия и Южная Осетия входят в группу частично признанных государств. Никто из членов ООН не устанавливал дипломатические отношения с НКР и ПМР. Они признаются друг другом и частично признанными РА и РЮО.

Степень признания не является единственным мерилем успеха сецессий. Вопрос “что считать государством?” дискуссионен. С одной стороны, российский политолог Михаил Ильин прав: “Есть один признак, присущий всем государствам — их формальное ‘равенство’ относительно друг друга, принадлежность к сообществу государств. Это единственная общая характеристика, все остальные их разделяют” [Ильин 2008: 63]. Референтная сетка взаимных признаний — ООН — является элитным клубом, пропуск в который в большинстве случаев обозначает современное состоявшееся государство [Schmitter, Wagemann, Obydenkova 2005].

Если исследовать не формальную (статусность — *statehood*), а сущностную (состоятельность — *stateness*) характеристику государственности [Kuthy 2012], то выяснится, что ПМР — исключение из правил развития сецессий, не добившихся дипломатического признания. В республике мирно сосуществуют три народа. Уровень приватизации государства семьей первого президента Игоря Смирнова пошел на спад после 2012 г., как и неформальное влияние на публичную политику владельцев компании “Шериф” Ильи Казмалы и Виктора Гушана. В республике функционируют суды и правоохранительные органы (пусть и с высоким уровнем коррупции). Ее границы консолидированы и охраняются. Альтернативные выборы не проводятся, как это имеет место северной части Косова. У ПМР нет правительства в изгнании, как у РСК, нет навязываемой со стороны бывшего центра временной, ничем не управляющей администрации, как у РЮО. Государство как совокупность институтов обладает монополией на применение легитимного насилия.

Мотивация квантификации, воплощенная в итоговой Таблице, такова. +2 балла по уровню автономии были присвоены лишь РА: в 1920-е — 1930-е годы она имела тот же статус, что и Грузия (ССР), а после вхождения в состав последней осталась автономной республикой. +1 получили те политии, которые в рамках федерации были автономными областями: НКР и РЮО, а также ПМР, несколько десятилетий существовавшая под названием Молдавская АССР, но в рамках Молдавской ССР автономией не обладавшая. -2 балла ставились тем республикам, что не были автономиями вовсе. ЧРИ и РК получили 0, поскольку имели автономный статус, но вместе с другими территориями.

Субъекты сецессии получали оценки в диапазоне -1 / +1 балл также в следующих случаях: при желании остаться в составе прежних союзного или федеративного государств; подвергшиеся по этой причине агрессии “материнского” государства; имевшие миротворцев на своей территории; при наличии отличного от “материнского” государства языка и этнического большинства, вокруг которых институционализировались их государственные институты. При этом ПМР получила балл несмотря на формальное несоответствие двум

последним условиям, поскольку и в языковом, и в этнополитическом смысле является успешным государством. Более того, ПМР получила +2 по критерию участия миротворцев, поскольку именно российская армия остановила конфликт в 1992 г. Те политии, где участие миротворцев не предотвратило последующие конфликты, получали +1 балл. Бездействие миротворцев в Хорватии оценено для РСК в -2 балла.

Те политии, для которых участие государства-патрона стало критически важным при инициации сецессии, получили -3 балла. Напротив, те, в которых сецессионистские устремления воспроизводились без покровительства “старшего брата”, а под давлением внутренних обстоятельств, получили +3 балла (к таким территориям, где сецессия началась без участия патрона, мы отнесли максимально настроенные на суверенное существование ЧРИ и РА). Добивавшиеся независимости для того, чтобы войти в состав государства-патрона (НКР, ПМР и РЮО), были помещены в кластер +2. Субъекты сецессии, которые в результате крайне незначительной поддержки государства-патрона оказались реинтегрированы (РГ и РСК), получили 0 баллов. РК, признания которой добивался Запад во главе с США, но которая в 1990-е годы сама воевала с Сербией, получила -1.

Наличие общей проницаемой границы между политией и государством-патроном, являющейся важнейшим источником военной и ресурсной поддержки сецессионистских устремлений и закрытой для “материнского” государства, оценивалось в +3 балла, ее отсутствие — в -3 балла. Наличие неконтролируемых Москвой, Белградом и Загребом границ в случае ЧРИ, РК и РСК, соответственно, способствовало успеху рецессии и было оценено в +1 балл.

ЧРИ, наименее успешной в поддержании внутреннего суверенитета, были присвоены -3 балла. По -2 балла по этому параметру получили РЮО (ввиду высокого уровня коррупции) и РСК (не сумевшая построить работающие гражданские институты). Не контролируемые всю заявленную территорию РК и НКР получили по +1 баллу. РА, сильно зависящая от российской помощи, но в наибольшей степени ориентированная на суверенизацию и восстановившая в 2008 г. контроль над всей своей территорией, и РГ, благополучно и мирно пережившая период независимости и добившаяся автономии от Кишинёва, получили по +2 балла. А исключительно успешная в вопросах государственно-гражданской консолидации ПМР получила +3 балла.

Наконец, по параметру признания признанная 109 государствами-членами ООН РК получила +2 балла, признанные 4 членами ООН РА и РЮО получили +1 балл, все остальные непризнанные политии получили -2 балла.

По сравнению с рассматриваемыми казусами ДНР и ЛНР имеют наименьшие шансы на успех сецессии. Из всех факторов к успеху их приближают лишь три: мощное государство-патрон, общая граница с ним, неподконтрольная официально Киеву, и усиливающая стремление к рецессии военная агрессия украинской армии. С одной стороны, активная помощь государства-патрона местным ополченцам и российским добровольцам в августе 2014 г. (иловайский котел) и в феврале 2015 г. (котел в Дебальцево), а до этого — вторжения иностранных вооруженных граждан (подразделений Игоря Стрелкова в Славянске) давали “материнскому” государству мотив обороны собственной территории от внешнего вторжения и попыток установить контроль над сепаратистскими регионами. С другой, использование тяжелой артиллерии и ракетно-бомбовые удары ВВС по жилым кварталам крупных городов, зверства отдельных батальонов нацгвардии, борьба с советским

наследием — все это крайне проблематизировало возможность возвращения Донбасса в конституционное пространство Украины, которое и без того было сильно порушено усилиями постмайданной украинской власти.

Таблица (Table)

Числовые значения влияния факторов на успешность сецессий (1991-2016 гг.)
Quantification of the Factors' Influence on the Success of Secessions (1991-2016)

	ЧРИ	НКР	ПМР	РГ	РЮО	РА	РК	РСК	ДНР / ЛНР
Автономия	0	+1	+1	-2	+1	+2	0	-2	-2
Стремление сохранить прежние статусные позиции	-1	-1	+1	+1	+1	+1	-1	+1	-1
Независимость от "патрона"	+3	+2	+2	0	+2	+3	-1	0	-3
Наличие общей границы с "патроном"	+1	+3	-3	-3	+3	+3	+1	+1	+3
Военная агрессия "материнского" государства	-1	+1	+1	+1	+1	+1	+1	+1	+1
Уровень эффективности внутреннего суверенитета	-3	+1	+3	+2	-2	+2	+1	-2	-3
Введение миротворцев в регион конфликта	0	0	+2	0	+1	+1	+1	-2	-2
Собственный язык	+1	+1	+1	+1	+1	+1	+1	+1	-1
Доминирующий этнос	+1	+1	+1	+1	+1	+1	+1	+1	-1
Признание членами ООН	-2	-2	-2	-2	+1	+1	+2	-2	-2
Вероятность успеха сецессии (+19/-19)	-1	7	7	-1	10	16	6	-3	-11

Остальные факторы работают против успеха сецессии Донбасса. Эти регионы не имели автономии до начала суверенизации. Попытки равных в правах с другими регионами Украины Донецкой и Луганской областей провести в 1994 г. референдум о федерализации были нивелированы судом и генпрокуратурой Украины. Последний раз высокий уровень автономии можно было найти на этих территориях почти сто лет назад в рамках Донецко-Криворожской республики, границы которой вовсе не идентичны границам ДНР и ЛНР. При распаде СССР ни одна из этих политий не стремилась повысить свой статус до автономного. Декларируя сегодня необходимость разрыва с Киевом и вхождение в состав России, Донецк и Луганск не учитывают отсутствие в течение последней четверти века институциональной традиции существования в рамках российского государства. При этом ни ДНР, ни ЛНР не являются образованиями, имеющими особую этническую и лингвистическую основу. Обе самопровозглашенные республики объективно лишены важнейшего инструмента легитимации сецессионистских проектов. В отличие от прочих политий их лидеры не могут апеллировать к существованию в рамках границ новой политии особой этнической общности со своим языком.

Административный фронт, доставшийся в наследство от Киева, — единственное формальное оправдание сепаратистских претензий ДНР и ЛНР. Апелляция к русской крови, культуре, истории и языку имела большой смысл для “Новороссии”, служащей символом условного отмежевания украинского населения от русского (но и в этом случае культурные, этнические, лингвистические и исторические границы крайне размыты). В условиях временной приостановки лидерами “Новороссии” этого проекта год назад идеологи ЛНР и ДНР утратили возможность апелляции к этничности, подобно апелляции к сербам в РСК, к абхазам — в РА, к осетинам — в РЮО, к чеченцам — в ЧРИ, к гагаузам — в РГ. Дискурс лидеров Донбасса строится вокруг цели “дойти до границ областей”, что, конечно, несравнимо по силе влияния на массовое сознание с призывами “построить свое чеченское государство” или “избавиться от грузинского ига”.

Уровень внутреннего суверенитета в ДНР и ЛНР крайне низок. Республики контролируют лишь малую часть заявленной территории. Правоохранительные и судебные институты не выстроены. Командиры ополчения находятся в жестком противостоянии друг с другом и борются за власть при помощи оружия. Состояние правового пространства даже на подконтрольных Донецку и Луганску территориях, где боевые действия не ведутся, равно как и отношение к институтам частной собственности и прав человека, плачевно.

Республики не смогли определиться со своей внешнеполитической стратегией, что во многом обусловлено отсутствием единого центра принятия решений внутри ДНР и ЛНР. Власти ДНР / ЛНР с момента подписания Минских соглашений находились в двойственном положении. С одной стороны, они были вынуждены настаивать на их соблюдении, а значит, в итоге — на реинтеграции в состав сильно изменившейся Украины. С другой, — в условиях боевых действий постоянно поддерживать образ врага. Говорить о международном признании самопровозглашенных республик не приходится. Они признаются друг другом и РЮО. При этом, к сожалению, позитивные элементы опыта ПМР в этих самопровозглашенных республиках использованы не были. С высокой вероятностью мы предполагаем, что при редукции значения факторов мощи государства-патрона и общности границы с ним, сепаратизм завершится провалом. Ярчайший исторический пример — РСК, при бездействии Белграда и молчаливом согласии международного сообщества за несколько месяцев реинтегрированная армией Хорватии. Если Россия позволит Киеву восстановить контроль над границей и перестанет поддерживать ДНР и ЛНР, скорее всего, Украина силовым путем вернет их в свое конституционное пространство. Это будет сопровождаться исходом сотен тысяч беженцев из региона и многолетним ценностным конфликтом между новой украинской нацией и жителями Донбасса.

Ильин М.В. 2008. Формула государственности. — *Полития*. № 3. С. 67-78. Доступ: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Ilyin-2008-3.pdf (проверено 21.05.2017)

Кива А.В., Федоров В.А. 2003. Анатомия терроризма. — *Общественные науки и современность*. № 1. С. 130-142. Доступ: <http://ecsocman.hse.ru/data/069/769/1219/010Kiva.pdf> (проверено 21.05.2017)

Попов Ф. 2011. От “безгосударственной территории” к “государству де-факто”. — *Международные процессы*. Т. 9. № 2. С. 5-17. Доступ: <http://www.intertrends.ru/twenty-sixth/003.htm> (проверено 21.05.2017)

Токарев А. 2013. Национальный проект Абхазии. — *Политком.ру*. 07.10. Доступ: <http://www.politcom.ru/16510.html> (проверено 21.05.2017).

Berg E., Mölder M. 2012. Who is Entitled to Earn Sovereignty? Legitimacy and Regime Support in Abkhazia and Nagorno-Karabakh. – *Nations and Nationalism*. Vol. 18. No. 3. P. 527-545. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1469-8129.2011.00527.x>

Blakkisrud H., Kolsto P. 2012. Dynamics of De Facto Statehood: The South Caucasian De Facto States Between Secession and Sovereignty. – *Southeast European and Black Sea Studies*. Vol. 12. No. 2. P. 281-298. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/14683857.2012.686013>

Fukuyama F. 2004. The Imperative of State-building. – *Journal of Democracy*. Vol. 15. No. 2. P. 17-31. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2004.0026>

Gachechiladze R. 2002. Geopolitics in the South Caucasus: Local and External Players. – *Geopolitics*. Vol. 7. No. 1. P. 113-138. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/714000896>

Kamilova S., Berg E. 2011. How Can De Facto State be Distinguished from the Puppet State? Analysis of Transnistrian-Russian Relations and Dependences. – *The Estonian Foreign Policy Yearbook*. Tallinn: Eesti Välispoliitika Instituut. P. 151-182.

Kuthy D.W. 2011. *The Effect of State Capacity on Democratic Transition and the Survival of New Democracies*. Dissertation. Georgia State University. URL: http://scholarworks.gsu.edu/political_science_diss/20 (accessed 11.04.2017).

Malek M. 2006. State Failure in the South Caucasus: Proposals for an Analytical Framework. – *Transition Studies Review*. Vol. 13. No. 2. P. 441-460. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s11300-006-0106-z>

Roeder P.G. 2007. *Where Nation-States Come From: Institutional Change in the Age of Nationalism*. Princeton: Princeton University Press. 440 p.

Rotberg R. 2002. The New Nature of Nation-State Failure. – *The Washington Quarterly*. Vol. 25. No. 3. P. 85-96. DOI: <https://doi.org/10.1162/01636600260046253>

Rotberg R. 2003. Failed States, Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators. – *State Failure and State Weakness in a Time of Terror*. Ed. by R.I. Rotberg. Washington, D.C.: Brookings Institution Press. P. 1-25.

Schmitter P., Wagemann C., Obydenkova A. 2005. Democratization and State Capacity. – *X Congreso Internacional del CLAD sobre la Reforma del Estado y de la Administración Pública*, October 18-21. Santiago, Chile. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/clad/clad0052201.pdf> (accessed 16.05.2017).

DOI: [10.17976/jpps/2017.04.08](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.08)

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE POST-COMMUNIST SECESSIONS: THE PROGNOSTIC ATTEMPT OF QUANTIFICATION OF THE FACTORS' IMPACT ON SECESSION

A.A. Tokarev¹

¹Moscow State Institute of International Relations (University), MFA of Russia. Moscow, Russia

TOKAREV Alexey Alexandrovich, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Senior Researcher, Center for Global Issues, Institute for International Studies, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA of Russia. Email: a.tokarev@inno.mgimo.ru

Tokarev A.A. Comparative Analysis of the Post-Communist Secessions: The Prognostic Attempt of Quantification of the Factors' Impact on Secession. – *Polis. Political Studies*. 2017. No. 4. P. 106-117. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.08>

Received: 26.03.2016. Accepted: 17.04.2017

Abstract. The USSR and Yugoslavia collapses gave rise to aspirations of some administrative units to get autonomy of the former mother-state countries, achieving the status of really sovereign states. In both cases, the majority of secessions had an external patron-state, military conflict with the mother-state, obvious problems with internal sovereignty. Secession fulfilled attempts of the public administration, linguistic, ethnic and cultural identification. They sought to preserve the status within the USSR and Yugoslavia, in contrast

to the mother-states. All these factors are common to post-Communist secessions, but each of them has the individual country characteristics. DPR and LPR polities are aimed at secession from the unitary Ukraine. The author proposes to consider it in comparison with the secession in the federations. He believes the processes around 2014–2016 years of the Russian-Ukrainian relations are the deferred influence of the Soviet Union collapse. The purpose of research is the forecast of the success of Donbass secession by means of quantification the degree of the factors' influence. 8 post-Communist secessions are compared by 10 bases, which are factors of secessions processes. Each of the 10 factors was assigned a numerical value on a scale from -3 to +3, depending on the importance of its impact on the success of secession. As a result, all the values are summed, showing the probability of the secession success. The author concludes that while the reduction of the two factors importance (1) the patron-state influence on the DPR and LPR state-building, (2) the control under common border with it, they will be unsuccessful secessions. DNR and LNR projects are leaders of the secession failure (-11 points) – the worst probable result is -19 points. The policy of the mother-state is aimed at reintegration, primarily the territories, but not to their citizens. It will most likely lead to the exodus of large numbers of refugees from the region. This will be followed by many years of value conflict between the residents of Donbass and Ukraine and will be a constant danger factor for the Ukrainian stateness.

Keywords: Ukraine; Donbass; DPR; LPR; secession; Gagauzia; Transnistria; RSK; Nagorno-Karabakh; Kosovo; Abkhazia; South Ossetia; Chechnya (Ichkeria); the collapse of the Soviet Union; the disintegration of the SFRY.

References

- Berg E., Mölder M. Who is Entitled to Earn Sovereignty? Legitimacy and Regime Support in Abkhazia and Nagorno-Karabakh. – *Nations and Nationalism*. 2012. Vol. 18. No. 3. P. 527-545. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1469-8129.2011.00527.x>
- Blakkisrud H., Kolstø P. Dynamics of De Facto Statehood: The South Caucasian De Facto States Between Secession and Sovereignty. – *Southeast European and Black Sea Studies*. 2012. Vol. 12. No. 2. P. 281-298. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/14683857.2012.686013>
- Fukuyama F. The Imperative of State-building. – *Journal of Democracy*. 2004. Vol. 15. No. 2. P. 17-31. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2004.0026>
- Gachechiladze R. Geopolitics in the South Caucasus: Local and External Players. – *Geopolitics*. 2002. Vol. 7. No. 1. P. 113-138. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/714000896>
- Kamilova S., Berg E. How Can De Facto State be Distinguished from the Puppet State? Analysis of Transnistrian-Russian Relations and Dependences. – *The Estonian Foreign Policy Yearbook*. Tallinn: Eesti Välispoliitika Instituut. 2011. P. 151-182.
- Kuthy D.W. *The Effect of State Capacity on Democratic Transition and the Survival of New Democracies*. Dissertation. Georgia State University. 2011. URL: http://scholarworks.gsu.edu/political_science_diss/20 (accessed 11.04.2017).
- Malek M. State Failure in the South Caucasus: Proposals for an Analytical Framework. – *Transition Studies Review*. 2006. Vol. 13. No. 2. P. 441-460. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s11300-006-0106-z>
- Roeder P.G. *Where Nation-States Come From: Institutional Change in the Age of Nationalism*. Princeton: Princeton University Press. 2007. 440 p.
- Rotberg R. The New Nature of Nation-State Failure. – *The Washington Quarterly*. 2002. Vol. 25. No. 3. P. 85-96. DOI: <https://doi.org/10.1162/01636600260046253>
- Rotberg R. Failed States, Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators. – *State Failure and State Weakness in a Time of Terror*. Ed. by R.I. Rotberg. Washington, D.C.: Brookings Institution Press. 2003. P. 1-25.
- Schmitter P., Wagemann C., Obydenkova A. Democratization and State Capacity. – *X Congreso Internacional del CLAD sobre la Reforma del Estado y de la Administración Pública*, October 18-21. 2005. Santiago, Chile. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/clad/clad0052201.pdf> (accessed 16.05.2017).
- Ilyin M.V. The Formula of Statehood. – *Politeia*. 2008. No. 3. P. 67-78. (In Russ.) URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Ilyin-2008-3.pdf (accessed 21.05.2017).
- Kiva A.V., Fedorov V.A. Anatomy of Terrorism. – *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2003. No. 1. P. 130-142. (In Russ.) URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/069/769/1219/010Kiva.pdf> (accessed 21.05.2017).
- Popov F. From "Stateless Territory" to "De Facto State". – *International Trends*. Vol. 9. No. 2. P. 5-17. (In Russ.) URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-sixth/003.htm> (accessed 21.05.2017).
- Tokarev A. National Project of Abkhazia. – *Politcom.ru*. 07.10.2013. (In Russ.) URL: <http://www.politcom.ru/16510.html> (accessed 21.05.2017).